

Международный конкурс имени П. И. Чайковского:
пианисты завершили первый тур

Поэтический диалог

Раньше в спорах об искусстве любили противопоставлять романтизм и интеллектуализм. Теперь романтизм стал «умнее», а интеллектуализм лиричнее. Словом, полюса сблизилась, о чем свидетельствует конкурс пианистов в Москве. Здесь фуги Баха играют порой как лирические поэмы, а романтические этюды Шопена — в духе школы Черни и Клементи. И это волнует, убеждает и поражает. Многие изменилось в восприятии и музыкальных вкусах людей 80-х годов. Но по-прежнему мы хотим слышать в музыке и ее интерпретации сильный индивидуальный голос художника.

Что же конкурирует в нынешнем соревновании пианистов? Virtuозность и художественность. Умение и вдохновение. В конечном итоге талант и мастеровитость — категории вечные, как само искусство. Взятые в совокупности, эти качества составляют личность гармоничную, в музыкальном исполнительстве всесильную. Она-то и убеждает нас в том, что подлинная виртуозность исполнения не может существовать без художественной мысли, а вдохновение всегда находит опору в умении и мастерстве.

Очень поучительными в этом смысле были выступления на первом туре конкурса двух интересных английских пианистов — Питера Донохоу и Барри Дугласа, игравших по-настоящему удачно лишь вторую половину своих программ. В этих пианистах по-своему как бы внутренне борются жажда виртуозности, внешнего, «осязаемого» эффекта с жадой художественной мысли, личной проникновенной интонации, серьезной концепции. Эластичные, мягкие руки Донохоу, так беззаботно порхавшие в Бахе и Шопене, вдруг, погружаясь в иную фортепианную фактуру Рахманинова, Скрябина, Листа, становились «мыслящими», даже «глубокомысленными». Барри Дуглас шел к своей гармонии еще дальше. В бетховенской «Аппassionате» ему удалось лишь открыть верхний слой музыкального содержания, в Чайковском и Шопене ему изменял вкус. Только в этюдах Скрябина и Рахманинова он соединил свой исполнительский темперамент и мастерство с художественной образностью, небанальной концепцией.

Виртуозность, когда она проявляется в полном блеске и великолепии, всегда поражает воображение публики. Виртуозность, когда она необходимый элемент свободы игры и «царения» над музыкой, — дело благородное и истинно художественное. Но горе тем, кто, забывая об этом «царении» и «беззаботности», проигрывает смысл искусства. А так было на конкурсе даже у некоторых весьма опытных и оснащенных пиани-

стов. Например, у американца Джеймса Барбагалло, проявившего определенный музыкальный вкус в интерпретации сонаты Моцарта и принесшего в жертву «беззаботной» виртуозности художественный смысл романтической части программы. Этот же недостаток был замечен и у американца Джеффри Кемпбелла — любителя бравурности, внешних эффектов. Несмотря на вполне современный уровень фортепианной техники, ему не удалось создать ни одной художественно полноценной, запоминающейся интерпретации. Джеффри явно мешает элемент спортивности, который он вносит в музыкальное искусство. Не случайно в одном из интервью он сравнивал московский конкурс с... чемпионатом мира.

Не ошибусь, если скажу: сейчас пианисты многих стран стали более зрело и ярко интерпретировать Скрябина и Рахманинова. Влияние в этом плане конкурсов имени Чайковского и всемирной к ним подготовки бесспорно. Так, блестяще были исполнены произведения этих композиторов в программе Юргена Якоба из ФРГ. Превосходно сыграла этюды Скрябина и Рахманинова филиппинка Мария Ровена Ариетта и австрийская пианистка Кристиан Шмидт. В программе советского пианиста-виртуоза Владимира Овчинникова среди наиболее удачных интерпретаций также должен быть назван Скрябин и Рахманинов, хотя он, подобно Юргену Якобу, бесспорно, запомнился и как яркий исполнитель «Мазепы» Листа.

А как же все-таки обстоит дело с «чистыми» романтиками или «поэтами фортепиано», которых так любит открывать аудитория московского конкурса? Подарил ли кто-нибудь своим внимательным и благодарным слушателям минуты подлинного вдохновения, возвышенной музыкальной красоты? Здесь должно быть названо имя 27-летнего американского пианиста Майкла Левина — музыканта тонкого поэтического склада, глубокой сердечной интонации. Даже fuga Баха «читается» им как лирический дневник, а этюды Скрябина, Шопена, Листа разворачиваются как целые программно-романтические поэмы, полные увлекательных образных подробностей. «Осенняя песня» Чайковского звучала у Левина как музыкальный сонет, как печальное признание в любви... Несмотря на отдельные неудачи в исполнении, Левин сделал серьезную заявку на продолжение содержательного поэтического диалога со слушателями.

Первый тур конкурса пианистов завершен. Впереди — встречи с интересными музыкантами, для которых наступает решающий этап творческого спора.

Т. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО.